

Патрик Уоддингтон

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТУРГЕНЕВА
С ГЕНРИ ФОЗЕРГИЛЛОМ ЧОРЛИ**

(С приложением неопубликованного письма Тургенева)*

Полностью история длительного общения Тургенева с Генри Фозергиллом Чорли (1802–1872), будучи неразрывно связанной с оперной карьерой Полины Виардо-Гарсиа, должна быть рассказана в другом месте. Чорли был выдающимся музыкальным критиком, и глубокое восхищение Полиной Виардо, которую он ставил выше всех остальных певиц своего времени, побуждало его укреплять ее славу, по крайней мере в Англии, на протяжении нескольких десятилетий в восторженных рецензиях, помещаемых в лондонском журнале «Атенеум». Но, кроме того, Чорли был поэтом, драматургом, новеллистом и литературным критиком и в роли последнего оказал также некоторое влияние на репутацию Тургенева в Англии.

* Настоящая работа является переводом дополненного варианта статьи Патрика Уоддингтона «Turgenev's Relations with Henry Fothergill Chorley (with an unpublished letter)», впервые опубликованной в журнале «New Zealand Slavonic Journal» (1978. № 2. P. 27–39). Письмо Тургенева вошло в издание: *ПССУП(2). Письма*. Т. 1. С. 334–336. — *Ред.*

Дополнительные сведения о взаимоотношениях Тургенева и Чорли содержатся в нашей статье: Henry Chorley, Pauline Viardot and Turgenev: A Musical and Literary Friendship // *The Musical Quarterly*. 1981. Vol. 67. № 2. P. 165–192, перевод которой появится в следующем выпуске. Кроме того, следует иметь в виду вышедшую позднее фундаментальную монографию о Чорли: *Bledsoe Robert Terrell. Henry Fothergill Chorley, Victorian journalist*. Aldershot (Hampshire); Brookfield (Vermont), 1998. — *П. У.*

Настоящая статья несколько неравнозначно распадается на две отчетливые части: в первой говорится о начальном расцвете дружбы Тургенева и Чорли, проиллюстрированной примечательным документом, а затем об их дальнейших связях на литературном поприще.

1

Чорли был сложной и одинокой натурой, и Тургенев, несомненно, любил его, главным образом, за его преданность Полине Виардо. В одном письме к ней 1850 года читаем: «Он вас любит; как же мне его не любить?». ¹ Чорли и Тургенев впервые сблизились весной 1849 года в Париже, в то время когда Полина готовила свою великую роль — Фидес в опере Мейербера «Пророк». Они пообедали вместе в ресторане перед тем, как стать свидетелями ее триумфа в премьерном спектакле. В течение последующих месяцев они поддерживали оживленную переписку, и следует надеяться, что не только то письмо, которое мы публикуем здесь, но и другие письма Тургенева к Чорли когда-нибудь обнаружатся. А пока необходимо более подробно рассмотреть ту обстановку, в которой было написано публикуемое письмо.

Большую часть осени 1849 года Тургенев провел в Куртавнеле вместе с Полиной (и ее мужем). Как видно из его ранних писем к ней, а также из отчасти автобиографической пьесы «Месяц в деревне», у них было заведено сообща читать современные романы или стихи. В июле 1845 года, например, это был роман Жорж Санд «Мопра»; в июне 1849 года — гётевская идиллия «Герман и Доротея». ² Теперь же, в течение сентября и октября 1849 года, они читали в основном «Ярмарку тщеславия», вероятно недавнее издание Галиньяни. Не последним из присущих им обоим талантов было необычайно хорошее знание основных европейских языков.

30 октября Полина Виардо участвовала в отпевании Шопена, а Тургенев присутствовал в церкви Мадлен, наблюдая траурную церемонию. 27 октября Чорли поместил в «Атенеуме» некролог Шопена, но не был приглашен на похороны. Это обстоятельство, вкупе с необходимостью оповестить друга о том, чем еще занималась Полина, послужили основным стимулом к написанию письма Тургенева к Чорли от 6 ноября н. ст. 1849 года. Как обычно, Тургенев чувствовал потребность защитить г-жу

¹ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 31. Подлинник по-франц.

² Там же. С. 16, 29. Подлинник по-франц.

Виардо от обвинений со стороны врагов и упрочить ее превосходство над всеми соперницами и коллегами. Упоминание о злополучном теноре Гюставе Роже (1815–1879) — красноречивая иллюстрация этого желания, так же как и намек на «республиканский банкет» — в действительности невинный ужин, который дали супруги Виардо 8 августа в Лондоне, в доме на Клифтон-Вилла, 27, Мейда Вейл, в честь своих друзей Араго, Ледрю-Роллена и Луи Блана.³

Тургенев жил теперь в квартире на улице Порт-Магон, в нескольких минутах ходьбы от Оперы на улице Пелетье. Он чувствовал все возрастающую оторванность от России; его творческая активность уменьшалась, угрожая вовсе сойти на нет; а личные отношения с Полиной вступили в сложную и мрачную фазу. Он был практически постоянно в это время болен страшившей его «невралгией мочевого пузыря» (вероятно, формой простатита). Однако все это не нашло отражения в письме к Генри Чорли, где он преимущественно по-рыцарски описывает восстановившееся здоровье и хорошее настроение Полины, которые не омрачила потеря ее малосимпатичной золовки Женни.⁴

Вот это письмо, публикуемое с любезного разрешения Синдикова Фицвильямского музея в Кембридже.⁵

³ *Lettres inédites de George Sand et de Pauline Viardot (1839–1848)* / Ed. Thérèse Marix-Spire. Paris, 1959. P. 286.

⁴ О трех некрасивых сестрах Луи Виардо см.: *Ibid.* P. 209, 218–219, а также: *Nouv corr inéd.* Т. 1. P. 24 и др.

⁵ MSS General Series. Письмо занимает 3½ страницы в 8-ю долю листа. Приобретено Друзьями Фицвильямского музея на аукционе Сотбис 29–30 июля 1940 г. (№ 550, второй день); возможно, это же самое письмо было продано ранее в составе коллекции миссис Толлер, Ландсдаун Хаус, Дидсбери, Манчестер (13–14 июля 1931 г., № 418). В каталоге 1940 г. описано содержание этой коллекции, но ни один из документов не процитирован. Здесь письмо, по решению редакции, воспроизводится с исправлением некоторых особенностей подлинного тургеневского написания и пунктуации, согласно правилам, принятым в настоящем издании. Так, в словах вроде «maitre», «gaité» и «hotel» Тургенев часто не очень-то заботился о «сирконфлексах». Другие диакритические знаки также нередко пропущены («eté» вместо «été» в одном месте) или поставлены неправильно («éxécuté» вместо «exécuté», «régistre» вместо «registre»). Среди других неточностей, почти обычных в тургеневское время, можно отметить использование заглавных букв для обозначения дней недели и месяцев («Lundi» вместо «lundi», «Novembre» вместо «novembre»), пропуск дефиса в инверсиях или императивах («portez vous bien»; но проставлен ненужный дефис в «tout-à fait») и неправильное согласование в причастиях прошедшего времени («les dons... qu'il a reçu»). Среди прочих ошибок отметим «dureste»

Paris, ce 6 novembre 49.

J'avais eu l'intention de vous écrire le lendemain de la première représentation du «Prophète», mon cher Monsieur Chorley — mais je n'ai fait qu'ajouter un pavé au chemin de l'enfer — vous savez qu'on dit qu'il est pavé de bonnes intentions. Cependant je n'en ai pas voulu avoir le démenti et je vous écris aujourd'hui. Je commencerai donc par vous dire de notre amie qu'elle a été «rather nervous» à la première représentation, grâce au bruit, qui s'était propagé, qu'on voulait lui faire une mauvaise réception pour la punir d'avoir assisté à un banquet républicain à Londres. Ce banquet est, comme vous le savez bien, une fable absurde — mais ces messieurs *honnêtes et modérés* n'y regardent pas de si près, quand il s'agit de calomnier et d'insulter les gens, qui ne peuvent pas se défendre. — La réception de Mme Viardot a été superbe — et ces braves messieurs n'ont pas donné signe de vie: cependant l'appréhension qu'elle avait ressentie — avait suffi pour lui ôter une partie de ses moyens — et elle n'a été vraiment elle-même que dans le 5-me acte. Mais dès la seconde soirée elle a reparu plus triomphante que jamais. Vous avez dû lire dans les journaux qu'elle a aussi chanté le «Requiem» de Mozart aux obsèques de ce pauvre Chopin. L'église de la Madeleine est malheureusement fort peu sonore ou plutôt elle l'est beaucoup trop — les sons s'y confondent et s'y perdent. Cependant elle a chanté sa partie avec une voix magnifique et ce style d'Eglise simple et grandiose, dont elle possède le secret. La cérémonie funèbre a du reste été très belle et très touchante; — ce n'était pas une cérémonie — c'étaient de véritables adieux adressés à un être chéri. Il y avait beaucoup de femmes dans l'église et beaucoup d'entr'elles pleuraient sous leur voile. L'orchestre^a a joué une Marche de Chopin, triste et gémissante; on a aussi exécuté un petit prélude de

вместо «du reste», «tremblotements» вместо «tremblements», «entr'elles» вместо «entre elles» и «magasin» вместо «magasin» (ср. «magazine»).

Более интересна, без сомнения, специфическая пунктуация Тургенева. Он не только нисколько не беспокоится о последовательности в расстановке скобок или кавычек; как и большинство активных корреспондентов своего времени, писавших на многих европейских языках, он вводит тире всякий раз, когда более «правильные» знаки кажутся слишком определенными (особенность, присущая и русским текстам писателя), слишком рискованными или неудовлетворительными в других отношениях. Иногда тире даже усиливает запятую, точку с запятой или точку; иногда оно появляется там, где ни по каким правилам пунктуации оно вообще не должно употребляться, но где кажется, что необходима некая пауза (как, например, в предложении «L'appréhension qu'elle avait ressentie — avait suffi...»). В абзаце, начинающемся со слов: «Le Prophète fait rage...», Тургенев вставляет заключенное в круглые скобки вводное предложение между тире и ставит ненужную точку внутри самих скобок. Наконец, следует привлечь внимание к чрезвычайно редким примерам калькирования русского синтаксиса — только они одни и выдают тот факт, что французский язык не был родным языком Тургенева: выражение «Nous avons lu avec elle» (от «мы с...») и запятая перед относительными местоимениями (русские «который» и т. д.) в предложениях «grâce au bruit, qui s'était propagé...» и «au rang, où il est appelé».

^a Было: orgue (орган)

lui sur l'orgue qui aurait été encore plus touchant, si l'organiste n'avait pas abusé du registre surnommé «de la voix humaine» qui n'est après tout qu'une jonglerie indigne d'un instrument aussi imposant que l'orgue — et qui avec ses tremblements chevrotants et nasillards — en fait de voix humaine, imite tout au plus celle d'une vieille femme. A propos — votre article sur Chopin dans l'«Athenæum» m'a fait beaucoup de plaisir; je crois qu'il est difficile d'être à la fois sympathique et plus juste: c'est ainsi qu'il faut parler des morts.

Vous savez probablement qu'on s'occupe maintenant de monter les «Huguenots» avec Roger. — Il faut l'avouer — entre nous — Roger baisse à vue d'œil; sa voix devient presque pénible à entendre; elle est lourde, fatiguée; il ne peut plus chanter piano; les transitions d'une note à l'autre sont heurtées — sa voix est endolorie en un mot — comme les jambes d'un cheval qu'on a forcé — et qui ne peut plus marcher au pas.⁶ Il fera bien dans les «Huguenots» — comparativement aux autres; et cependant — ce n'est certainement pas un grand acteur — malgré tout son aplomb et ses petits détails de gestes et de jeu de physionomie — quelqu'un a comparé sa manière de jouer avec l'étalage d'un magasin de modes.

Pour en revenir à Mme Viardot — je vous dirai que sa santé est très bonne et qu'elle est in high spirits — d'une gaîté active et réfléchie — comme vous la connaissez. — Elle est en deuil maintenant; une des sœurs de Viardot est morte. — Vous savez que Mme Viardot va à Berlin chanter le «Prophète» pendant les mois d'avril et de mai. — Nous avons lu avec elle à la campagne une grande partie de «Vanity Fair». C'est un bon ouvrage, vigoureux et sage, très fin et très original; mais pourquoi faut-il qu'à chaque instant l'auteur intervienne entre le lecteur et ses personnages — et se met à débiter avec une «self-complacency» tout à fait sénile des réflexions qui pour la plupart sont aussi pauvres et plates que⁸ les caractères sont tracés de main de maître. — Mr Thackeray est un esprit remarquable qui a vu beaucoup et loin — et qui a de belles qualités d'écrivain; mais si son talent est grand — les habitudes de son talent sont petites et quelquefois malades; il faut qu'il s'en défasse pour compter au rang où il est appelé par les dons très rares et très harmonieux, qu'il a reçus de la Nature.

«Le Prophète» fait rage; — hier lundi — (je vous écris un mardi) — il m'a été impossible de trouver la moindre place. — La vogue est décidément revenue à l'opéra.

J'espère que nous aurons le plaisir de vous voir ici pendant l'hiver; nous comptons tous là-dessus. — Je vous remercie beaucoup de votre souvenir dans⁷ vos lettres à Mme Viardot; croyez que j'attache un grand prix à votre amitié — si vous me permettez d'employer ce mot. — Portez-vous bien et n'ayez pas trop de «troubles»; acceptez ce désir cordial et une bonne poignée de main de la part de

votre tout dévoué

J. Tourguéneff.

Rue et Hôtel de Port-Mahon, № 9.

⁶ *Далее зачеркнуто*: Cependant il (Однако он)

⁸ *Далее зачеркнуто*: le récit et (повествование и)

⁷ *Далее зачеркнуто*: les

С французского:

Париж, 6 ноября 49.

У меня было намерение написать вам на следующий же день после первого представления возобновленного «Пророка», дорогой господин Чорли, — но я всего лишь добавил камень ко всем тем, которыми вымощена дорога в ад, — вы ведь знаете, говорят, она вымощена благими намерениями. Однако мне не хотелось искать в этом оправдания, и я пишу вам сегодня. Начну, пожалуй, с сообщений о нашем друге: она была «rather nervous»^a на первом представлении из-за распространившегося слуха о том, что ей хотят устроить скверный прием, дабы наказать за то, что она принимала участие в республиканском банкете в Лондоне. Этот банкет, как вы хорошо знаете, — нелепая басня — но эти *добропорядочные и умеренные* господа не слишком-то разборчивы, когда речь заходит о том, чтобы оклеветать и оскорбить людей, которые не в состоянии себя защитить. — Г-жу Виардо приняли превосходно — и эти отважные господа не подали признаков жизни; однако опасений, которые она испытала, оказалось достаточно, чтобы не позволить ей до конца раскрыть свои возможности — и она по-настоящему стала сама собой лишь в 5-м акте. Но, начиная со второго спектакля, она предстала еще более блистательной, чем когда-либо. Вы, должно быть, читали в газетах, что она также пела «Реквием» Моцарта на похоронах бедного Шопена. В церкви Мадлен, к сожалению, не очень хорошая акустика или, пожалуй, уж слишком хорошая — она гулкая, звуки там смешиваются и теряются. Тем не менее она спела свою партию великолепно, в том церковном — простом и величественном — стиле, секретом которого она обладает. Траурная церемония вообще была очень красивой и трогательной. Это были не просто похороны — это было подлинное прощание с дорогим человеком. В церкви было множество женщин, и многие из них плакали под своими вуалями. Оркестр сыграл «Марш» Шопена, печальный и жалобный; была также исполнена его маленькая прелюдия для органа, которая была бы еще более трогательной, если бы органист не злоупотреблял одним регистром, так называемым «человеческим голосом», который, что бы там ни говорили, является просто фиглярством, недостойным такого величественного инструмента, как орган; если своим бляением и гнусавым дрожанием он действительно напоминает человеческий голос, то скорее всего — голос старухи. Кстати, ваша статья о Шопене в «Athenæum» доставила мне большое удовольствие: мне кажется, трудно проявить одновременно большую симпатию и большее чувство справедливости; именно так и следует говорить об ушедших.

Вы, вероятно, знаете, что сейчас готовится постановка «Гугенотов» с Роже. — Надо признаться — между нами — Роже сдает прямо на глазах; слушать его становится просто тягостно. Голос его тяжелый, надломленный; он уже не может петь *riano*^b; переход от одной ноты к другой идет с надрывом; одним словом, голос у него натруженный, как ноги заезженной лошади, которая не может больше идти даже шагом. Он будет хорош в «Гугенотах» — по сравнению с другими; однако же, не-

^a «довольно нервозна» (англ.).

^b тихо (итал.).

сомненно, он не великий актер, несмотря на всю его самоуверенность, и жесты, и мимику — кто-то сравнил его манеру игры с витриной модного магазина.

Возвращаясь к г-же Виардо, — скажу, что чувствует она себя хорошо и находится *in high spirits*^в — в состоянии деятельного и вдумчивого оживления, — такая, какой вы ее знаете. — Нынче она в трауре: умерла одна из сестер Виардо. — Вы знаете, что в апреле и мае г-жа В<иардо> отправляется в Берлин петь «Пророка». — Мы прочли с нею в деревне много из «*Vanity Fair*»^г. Это хорошая вещь, сильная и мудрая, весьма остроумная и оригинальная. Но зачем понадобилось автору поминутно вступать между читателем и героями и с каким-то прямо-таки старческим «*self-complacency*»^д пускаться в рассуждения, которые большей частью настолько же бедны и плоски, насколько мастерски обрисованы характеры. — Г-н Теккерей — замечательный ум, он многое увидел и предвидел; у него прекрасные данные для писателя. Но если талант его велик, то приемы мелки и порой немощны. Ему надо от них освободиться, чтобы занять то положение, к которому призывают его столь редкие и столь гармоничные качества, дарованные ему Природой.

«Пророк» имеет бешеный успех. Вчера, в понедельник (я вам пишу во вторник), мне так и не удалось найти себе местечка. Решительно, опера вновь вошла в моду.

Надеюсь, мы будем иметь удовольствие видеть вас здесь зимой; мы все на это рассчитываем. — Благодарю вас за упоминание обо мне в ваших письмах к г-же Виардо; поверьте мне, я придаю огромное значение вашей дружбе, если позволите мне употребить это слово. — Доброго вам здоровья и поменьше «*troubles*»^е — примите это сердечное пожелание и искреннее рукопожатие от

совершенно вам преданного

И. Тургенева.

Улица и гостиница Порт-Магон, № 9.

2

Хотя высказанное в письме желание Тургенева увидеться с Чорли в ближайшие месяцы было, несомненно, осуществлено, по возвращении Тургенева в Россию и в последовавшее за этим время заключения под стражу и ссылки в Спасское связь между ними вскоре была потеряна. Однако в 1850-е годы они поддерживали переписку, слали приветы и хвалили друг друга в письмах к супругам Виардо.⁶ Тургенев, к тому же, использовал дружбу с Чорли в личных целях. Например, в декабре 1852 года, в связи с кропотливыми изысканиями о Пушкине, которые

^в в превосходном настроении (*англ.*).

^г «Ярмарки тщеславия» (*англ.*).

^д «самодовольством» (*англ.*).

^е «хлопот» (*англ.*).

⁶ *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 44, 46–47, 62, 73; *Lettres inéd.* Р. 30, 66. Ср.: ПССуП(2). Письма. Т. 2. С. 31, 43, 121, 150, 164, 197, 229, 245.

проводил П. В. Анненков, Тургенев написал Чорли, чтобы узнать его мнение о таинственном «Ченстоне», драма которого «The Covetous Knight», как предполагалось, послужила основой для пушкинского «Скупого рыцаря». Чорли не отвечал почти месяц; но его ответное письмо с предположением о том, что если речь идет о Вильяме *Шенстоне*, поэте в духе Гварини, то Пушкин, должно быть, разыграл своих читателей, не вполне удовлетворило Тургенева. В феврале 1853 года он снова обратился к Чорли, на этот раз с просьбой проконсультироваться с Пейн Кольером, шекспироведом с неоднозначной репутацией, часто публиковавшим статьи в «Атенеуме». Позднее, когда Полина Виардо отправилась в Лондон на летние гастроли, он просил ее поторопить Чорли с ответом. И лишь в середине июня получил от него второй и окончательный ответ, гласивший, что английского писателя по имени *Ченстон* никогда не существовало и все это, должно быть, была действительно мистификация.⁷ Пушкинисты, по большей части, вынуждены были прийти к тому же выводу; но какая великолепная ирония заключается в том, что именно Кольеру, автору несколько смелых литературных мистификаций, пришлось в этом деле сказать последнее слово!

В письме к Чорли от февраля 1853 года Тургенев, по-видимому, также спрашивал его мнение о Гоголе.⁸ Очень может быть, что он говорил о Гоголе и в более раннем письме, так как в рождественском номере «Атенеума» за 1852 год в колонке «Weekly Gossip» («Еженедельные толки») была напечатана следующая заметка: «Даже в наши дни железных дорог и электрических телеграфов литературные вести из России доходят до нас черепашьими шагами. Поэтому только теперь узнали мы, что Россия потеряла в лице Николая Васильевича Гоголя одного из самых популярных своих писателей. Он умер в прошлом марте в Москве».⁹ Автором этой заметки был В. Х. Лидс, у которого мог быть, разумеется, и другой источник информации; но интересно отметить, что сам Чорли, говоря о предстоящем визите Полины Виардо в Петербург, писал в том же самом выпуске «Атенеума» о новой опере Антона Рубинштейна, о которой ему только что рассказывал «один русский друг». Весьма вероятно, что это был Тургенев. Действительно, Тургенев дол-

⁷ Там же. С. 182, 198–199, 229, 241.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Athenæum. 1852. 25 December. № 1313. P. 1428. Авторство отдельных анонимных статей в «Атенеуме», как в случае с Чорли, может быть установлено на основании аннотированных экземпляров газеты, хранящихся в архиве «New Statesman» в Лондоне.

жен был сообщить Чорли о злополучных последствиях своей заметки по поводу смерти Гоголя («Письмо из Петербурга») и, может быть, даже ухитрился переслать ему копию этого некролога. Во всяком случае, он несомненно обратил внимание Чорли на большое значение Гоголя в истории русской литературы, намекнув, возможно, на то, что его собственный (совместно с Луи Виардо) перевод избранных повестей Гоголя «Nouvelles gusses» (1845) не вызвал соответствующего интереса в Англии. Не захочет ли Чорли, хоть и с запозданием, воздать должное Гоголю во влиятельном «Атенеуме»?

Хотя подобные предположения носят умозрительный характер, все же они имеют отношение к серии статей в «Атенеуме», в которых впервые в английской печати было упомянуто имя Тургенева. В мае 1851 года Чорли опубликовал (без подписи) рецензию на роман Натаниеля Готорна «Дом о семи шпилях». ¹⁰ В сентябре и октябре 1852 года «Современник» напечатал анонимный перевод этой книги, и кто-то, предположительно Тургенев, довел этот факт до сведения Чорли. 11 декабря того же года в статье, где зашла речь о Готорне, Чорли сообщил следующий факт: «Возможно, это станет новостью для автора „Алой буквы“ и для его почитателей по обе стороны Атлантики. Письмо из глубины России сообщает, что, привлеченный заметкой в „Атенеуме“, некий русский литератор, человек образованный и с большим вкусом, закончил перевод на русский язык „Дома о семи шпилях“ и напечатал его в одном московитском журнале! — Это уже похоже на славу». ¹¹

Возможно, в это самое время Тургенев задавался вопросом, не почитали ли его автором перевода. Неужели его замечания были неверно истолкованы? Хотя из всех американских писателей Тургенев на самом деле предпочитал Готорна и считал, что «Дом о семи шпилях» несет на себе «отпечаток большого и могучего по оригинальности таланта», ¹² он, по всей видимости, не имел никакого отношения к этому переводу. Действительно, в письмах к Некрасову и Панаеву он называл его тяжелым, неуклюжим, неверным и откровенно плохим. ¹³ Кое-кто может усмотреть в этом попытку напроситься на похвалу. Очевидно, что Тургенев исключительно хорошо знал этот роман и мог, без сомнения, иметь желание перевести его на русский язык. Но даже если бы он ухит-

¹⁰ Athenæum. 1851. 24 May. № 1230. P. 545–547.

¹¹ Ibid. 1852. 11 December. № 1311. P. 1355.

¹² Boyesen Hjalmar Hjorth. A Visit to Tourguéneff // Galaxy. 1874. April. Vol. 17. P. 460.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 158, 167.

рился скрыть свое авторство от редакторов журнала, в котором печатался перевод, вряд ли бы он признался в этом Генри Чорли. Следовательно, можно предположить, что на самом деле он писал своему английскому другу о том, что рецензия в «Атенеуме» побудила его прочесть роман и что для Чорли будет небезынтересна эта публикация «Современника». А Чорли — и надо сказать, не в последний раз — сделал из его слов совершенно неверные выводы.

Как бы то ни было, в результате, рецензируя в номере «Атенеума» от 22 октября 1853 года отвратительную английскую пародию на лермонтовского «Героя нашего времени» под названием «Sketches of Russian Life in the Caucasus, by a Russe, many Years Resident among the Various Mountain Tribes» («Записки о русской жизни на Кавказе, написанные русским, много лет прожившим среди различных горных племен»), Чорли упомянул также о повестях Гоголя, «переведенных на французский язык гг. Виардо и Тургеневым, — последний, между прочим, тот самый высокообразованный лингвист, который перевел на русский язык „Дом о семи шпилях“». ¹⁴ В ответ на шутовское замечание Анненкова по этому поводу Тургенев заявил 6 ноября ст. ст.: «А я не виноват, что „Атенеум“ меня произвел в „лингвисты“ — и нахожу это название даже обидным». ¹⁵ Однако не следует придавать слишком большое значение этой деланной жалобе.

После промаха с Готорном — о чем он, должно быть, был извещен, — похоже, Чорли не был готов в ближайшее время снова упоминать имя Тургенева. Краткая рецензия в «Атенеуме» на «Russian Life in the Interior» («Русская жизнь во внутренних областях страны» — так называлась миклджоновская переделка «Записок охотника»), опубликованная 30 декабря 1854 года, была написана Горацием Сент-Джоном. ¹⁶ Возможно, однако, что заметка, напечатанная в «Атенеуме» несколькими неделями раньше (о том, что «Внутренняя жизнь в России», написанная «русским дворянином», в действительности представляет собой голевские «Мертвые души»), основывалась на информации, полученной от Тургенева. ¹⁷ Этот перевод вновь оказался ужасающей пародией на оригинал. Но и сам Тургенев, хотя у него не было ни желания, ни случая признаться в них публично, не избежал ошибок по отношению к Чорли.

¹⁴ Athenæum. 1853. 22 October. № 1356. P. 1254.

¹⁵ ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 274, см. также с. 543–544.

¹⁶ Athenæum. № 1418. P. 1587.

¹⁷ Ibid. 1854. 2 December. № 1414. P. 1454–1455.

Несмотря на жгучий интерес ко всему, что Чорли писал о Полине Виардо, Тургенев неодобрительно относился к некоторым причудам стиля английского критика. Более того, зная, что большинство стихотворений Чорли впервые появлялись в «Атенеуме», Тургенев принял одно из напечатанных там стихотворений — «Картежник, или Двадцать одно» — за произведение Чорли, ввиду его неуклюжей манерности.¹⁸ Единственной неувязкой было то, что это лирическое стихотворение (на самом деле довольно изящное), как оказалось, принадлежало Данте Габриелю Россетти!

3

Встречи Тургенева с Чорли возобновились в конце 1850-х годов, главным образом во время его ежегодных посещений Лондона. Вероятно, они обсуждали последние произведения писателя и новые переводы его сочинений, которые тогда потоком шли из Франции. В 1859 году, например, Тургенев рассказал Чорли об «авторизованном» переводе «Записок охотника», выполненном Ипполитом Делаво, и преподнес ему эту книгу с дарственной надписью.¹⁹ Все это побудило Чорли вновь написать о Тургеневе, хотя он, естественно, так же мало беспокоился о том, что последний заподозрит его авторство, как и несколько лет назад после опубликования первых малоинтересных заметок. Тем не менее эти несколько статей, вышедшие из-под пера Чорли и опубликованные в «Атенеуме» в первые годы последующего десятилетия, составили основу того просвещенного мнения о творчестве Тургенева, которое, несмотря на всю свою неоднозначность, оказало безусловно благотворное воздействие на английского читателя. Следует рассмотреть эти статьи в совокупности.²⁰

Впервые Чорли нарушил молчание в декабре 1861 года, выступив с разбором «Une Nichee de gentilshommes» («Дворянского гнезда»). Как обычно, он ограничился французским переводом романа, не забывая,

¹⁸ *Lettres inéd.* P. 61–62; ср.: ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 164; Athenæum. 1852. 23 October. № 1304. P. 1147.

¹⁹ Anthony C. Hall catalogue № 58 (1978). Item 1617.

²⁰ См.: Athenæum. 1861. 14 December. № 1781. P. 803; 1862. 2 August. № 1814. P. 144; 1863. 23 May. № 1856. P. 680; 1863. 12 September. № 1872. P. 333. Ссылка на Джона Гальта в первой из этих рецензий касается образа мисс Мизи Каннингэм, старой тетушки в «Сэре Эндрю Вили» — «совершенного образца аристократической элегантности и аккуратности».

однако, о том, что имеет дело с русским писателем, поглощенным русскими проблемами. Он начал с похвалы тургеневскому мастерству и попытки определить его особенный тембр: «Этого писателя уже знают в Англии как человека, много сделавшего для современной русской литературы, и повесть, находящаяся перед нами, — наиболее пространное из всех его произведений, — расширит и углубит его славу. Быть может, меланхолический, как русская музыка, характер повести является неизбежным следствием правдивого изображения национальных черт». Статья заканчивалась в том же тоне: «Повесть эта, повторим, в высшей степени печальна». Подобная оценка была сама по себе весьма примечательной, поскольку она помогала закрепить в сознании британских читателей устойчивое представление о том, что Тургенев является воплощением «русской души».

Однако наиболее значительным вкладом Чорли в критическую литературу о Тургеневе был его анализ отдельных образов романа и странные, неожиданные сравнения с персонажами английской беллетристики. Например, о старой тетушке Лаврецкого, «скупой, но преданной», говорится, что она «так же колоритна, как одна из героинь мисс Феррьер или гальтовская мисс Мизи». Кроме того, Чорли защищал Тургенева от возможных нареканий относительно «отрицательных» персонажей в его книгах. «Мы не знаем в литературе, — заявлял он, — более отталкивающего и вместе с тем обрисованного с таким художественным изяществом лица, чем лицемерная Варвара Павловна».

Нельзя, однако, сказать, что рецензия Чорли на «Дворянское гнездо» была преисполнена особенного восторга. Не обошлось и без некоторых нелепостей. Мудрая и благодетельная Марфа Тимофеевна изображается «ворчливым существом», в то время как совершенно великолепный Лемм, к которому этот эпитет, собственно, более применим, вообще не упоминается — в одной драме вполне достаточно и одного ворчуна.

В случае с «Рудиным», которого Чорли рецензировал в августе 1862 года, критик кое в чем пошел еще дальше по этому неоднозначному пути. Фактически он не рассматривал роман сам по себе, а использовал его в качестве предлога для общей оценки творчества Тургенева.

«Нет нужды объяснять читателям „Атенеума“, что русские романы г. Тургенева занимают почетное место среди малой прозы нашего столетия и что он стоит на одном уровне с такими писателями, как Андерсен, Ауэрбах, Тепфер, Готорн и Ирвинг, — и замечателен, как и все названные писатели, национальным колоритом своих рассказов, а также тонкой наблюдательностью и глубиной чувства. Преобладание минорного тона <...>, каким бы унылым он ни был, придает этим произведе-

ниям достоверность <...> Изображение жизни и общества у г. Тургенева зачастую превращается в изучение неудач и разочарований. Подобные настроения, быть может, в известной степени характерны для благородных и мыслящих людей, рожденных в такой стране, как Россия. Возможно, в повестях Тургенева недостаточно действия для того, чтобы удовлетворить молодежь, предпочитающую сильные эмоции; в то время как те, кто более умудрен жизненными испытаниями и опытом, пытаются избавиться от своих забот, хотели бы видеть больше солнечного света, чем показывает наш автор. Однако настоящие читатели, те, кто предпочитает общение с истинным художником поддельному блеску и надувательству ремесленника, признают достоинство русских романов г. Тургенева и будут рады, что число их пополнилось».

Несмотря на несомненно щедрые похвалы — «почетное место», «тонкая наблюдательность», «общение с истинным художником» и т. д., — этот пассаж поражает искусной попыткой поставить Тургенева в один ряд скорее с писателями второго, нежели первого ряда. Правда (о, ирония!), он включает в этот круг и Готорна; для Чорли это должно было означать, что Тургенев близок к величию. Но минорный тон, недостаток солнца и, помимо всего, краткость тургеневских романов были достаточно вескими помехами для более благоприятного сравнения, скажем, с Диккенсом, перед которым Чорли просто благоговел.

Когда обращаешься к чорлиевскому разбору тома «Nouvelles scènes de la vie russe» (1863), куда вошли «Накануне» и «Первая любовь», удивляешься, насколько он не боялся испортить добрые отношения с Тургеневым. Одно дело выражать сомнения, умолчать о недостатках, рекомендовать большую дисциплину или самоконтроль; и совсем другое — пытаться подорвать самую основу творческой индивидуальности писателя, считающегося его другом. Прячась под покровом анонимности, Чорли, несомненно, объективно выглядел трусом и предателем. Совсем иначе расценивал он сам свою роль. «Мы обязаны г. Тургеневу слишком большим удовольствием, — писал он, — слишком высоко ценим в нем художника — что не готовы оградить его даже от единственного слова критики <...>». На этот раз «критика» включала в себя атаку на почти все женские и мужские образы, на атмосферу, фабулы и сюжеты его романов.

«Его рассказы необыкновенно печальны, — утверждал Чорли, — и несут на себе печать некой бледности, предвещающей, если не выражающей, близость смерти <...> Кажется, будто элементы борьбы, „тщетности желаний“, разочарования, доходящего до границы отчаяния, должны рано или поздно захлестнуть их. Возможно, при этом рас-

сказы точнее передают национальный образ жизни и его характер, но это не делает их жизнерадостнее».

Тургеневские герои были для Чорли «северянами», говоря проще — не англичанами и не французами. Такие черты, как меланхолия и неудовлетворенность, сами по себе свойственны, может быть, американскому или немецкому обществу (или же некоторым йоркширским леди, которые в недавнее время завезли в Британию моду на раскаяние и смирение); но Россия, кажется, превзошла всех, поскольку именно там милые, талантливые девушки так «бессмысленно, бесцельно несчастливы». И однако же, по мнению критика, эти глубоко несчастные молодые особы отличаются серьезностью и благородством души.

Что касается остальных, то «зрелые женщины у г. Тургенева или эксцентричные, невежественные старые девы, погруженные в кухонные хлопоты и сундуки с бельем, — или же глуповатые мамыши, наделенные долей французского жеманства, которые, напротив, вряд ли стали бы хранить верность своим владыкам и повелителям, окажи им честь и соблазни их какой-никакой музицирующей чиновник или чудаковатый экс-профессор непонятных наук. Не менее неудачными кажутся нам, англичанам, и его мужские персонажи, но над английскими понятиями, как известно, подсмеиваются во всей заумной Европе, считая их меркантильными и глупыми».

Хотя невозможно полностью отвергнуть аргументацию Чорли — ведь английский прагматизм, к примеру, в самом деле нередко помогает рассеять избыточный романтизм или претенциозность, — все же его доводы кажутся неподходящими по отношению к тургеневским произведениям. Неужели Чорли действительно полагал, что тургеневский взгляд на человека ограничивался его второстепенными героями?

Подобная же путаница (кстати сказать, весьма характерная для «английской точки зрения») произошла у Чорли между понятием «безнравственного» и его художественным изображением. «Мы видим проявления скрытого и тайного распутства, что усугубляет болезненность картины», — заявляет он по поводу романа «Накануне», а о несчастной повести «Первая любовь» пишет: «„Что-то, — как цитирует один из персонажей, — подгнило“ в обществе, в котором могут процветать подобные интрижки, а еще более „подгнило“, добавим мы как люди прямодушные, когда гениальный человек посвящает свой литературный дар их описанию». Абсурдность этого последнего замечания заслуживала бы чьего-то молчаливого презрения; однако поучительно сравнить взгляд Чорли с мнением французского рационалиста Луи Виардо, который тоже расценил «Первую любовь» как произведение безнравственное и заставил

своего друга прибавить небольшой дидактический эпилог.²¹ Чорли и Виардо — какое странное соседство в лиге целомудрия!

Последняя известная критическая статья Чорли о романах Тургенева посвящена «Отцам и детям» (сентябрь 1863 г.) и является одновременно кульминацией и опровержением ранее высказанных им тезисов. До сих пор он действительно утверждал, что произведения Тургенева хороши, но слишком мрачны. По поводу новой книги он сделал следующее заключение: «Хотя повесть, как и ее предшественницы, печальна, она великолепна как произведение Искусства». Можно было бы ожидать похожих выводов и относительно «Рудина», «Дворянского гнезда» и «Накануне»; что же касается «Отцов и детей», то хотя этот роман, быть может, и превосходит вышперечисленные в художественном плане, однако и в нем надежда и отчаяние не представлены в сколь-либо заметно иных пропорциях. Возможно, Чорли хотел загладить свою вину. Его рецензия на роман «Отцы и дети» начинается так: «По заложенной в нем мощи этот роман может считаться лучшим из подаренных нам до сих пор г. Тургеневым». Позднее он заявит, что «немногие страницы в художественной литературе» могут сравниться со сценой возвращения Базарова домой. Видимо, Базаров на самом деле совершенно покорил Чорли: «Мы едва осознаем, каким образом это происходит, но он становится самой интересной фигурой в романе. Г-н Тургенев решительно отказывает ему в привлекательности. Базаров спорит со старшими и критикует их; он диктует свою волю молодому поколению, которое смотрит ему в рот; он презирает установленные обычаи; у него душа не лежит к плодам художественного воображения; в некоторой степени он склонен к чувственности; сама система отрицания его неубедительна, она не несет в себе позитивного начала для обновления общества после того, как религиозные и нравственные предрассудки этого общества будут разрушены. Повторяем, вокруг его головы нет ни малейшего намека на нимб, и тем не менее, подобно всем действующим лицам романа, мы тянемся к нему, слушаем его».

Без сомнения, здесь нет ничего особенно оригинального; это вдумчивый разбор, которым по праву славилась викторианская критика. Сам Тургенев, несомненно, впоследствии по заслугам оценил эту статью, независимо от того, догадывался ли он об авторстве Чорли. Вместе с тем она представляет Чорли в гораздо более выгодном свете и заставляет нас не придавать значения нелепостям, встречающимся в его статьях, —

²¹ ПССуП(2). Письма. Т. 4. С. 296; ПССуП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 196; *Nouv corr inéd.* Т. 2. Р. XXIX–XXX, 115–116.

ибо они присутствуют и в рецензии на «Отцов и детей». Узнав о том, что представители двух поколений русского общества очень болезненно реагируют на этот роман, Чорли снова сравнивает их с американцами, а затем противопоставляет все нации (или, по крайней мере, так это представляется) твердости англичан. Наша Палата лордов, говорит он, не линчевала Теккерея за то, что он создал лорда Стейна; так же, как и лондонский коммерсант, не колеблясь, пообедал бы с автором «Мартина Чезлвита». Еще одна нелепость; но на сей раз она звучит комично, легко, простительно.

4

Если продолжить это исследование дальше, оно завело бы нас в сферу музыкальной критики. Личные контакты Тургенева и Чорли в 1860-е годы вплоть до смерти последнего, последовавшей в 1872 году, были тесно связаны с деятельностью Полины Виардо, в начале десятилетия еще выступавшей как певица, а в дальнейшем отдавшей педагогической и композиторской деятельности и сочинившей, в частности, несколько оперетт на либретто Тургенева. В ноябре 1862 года в Париже Чорли присутствовал на представлении «Орфея» Глюка. Драматическое искусство Полины в этой опере заставило Диккенса, который тоже был на спектакле, безудержно рыдать. Этот случай послужил также поводом к более тесному сближению Диккенса с Тургеневым.²²

В последующие годы Чорли часто посещал семью Виардо и Тургенева в их новом прибежище в Баден-Бадене, слушал пение Полины и был свидетелем постановок оперетт «Le Dernier sorcier» («Последний колдун») и «Trop de femmes» («Слишком много жен»).²³ В промежутках между встречами Тургенев продолжал переписываться с ним, встречался с ним в Париже один или два раза и простодушно посылал ему экземпляры французских переводов своих книг с дарственными надписями.²⁴ Чорли не откликнулся ни на один; а его уход из «Атенеума» в 1868 году означал, что теперь он даже не мог писать о Полине Виардо так же много, как раньше. Кроме того, к этому времени он стал стар и физически немощен.

²² См.: *N Z Sl J.* 1974. № 1. P. 63–64.

²³ *ПССуП(2). Письма.* Т. 8. С. 46–47; Т. 9. С. 55; *Athenæum.* 1864. 6 August. № 1919. P. 186; 1867. 12 October. № 2085. P. 472; 1868. 26 September. № 2135. P. 408 и др.

²⁴ *Lettres inéd.* P. 113–114; *Nouv corr inéd.* Т. 1. P. 121; *ПССуП(2). Письма.* Т. 5. С. 288–289, 291; Т. 9. С. 221; Т. 10. С. 20.

Последний жест Чорли по отношению к Тургеневу был характерно несвоевременным. Во время франко-прусской войны Тургенев и супруги Виардо были в Британии, но, по-видимому, не прилагали больших усилий для поддержания старых связей с Чорли. Возможно, он принял это близко к сердцу; может быть, у него и вовсе не было злого умысла — но 19 января 1872 года в «Orchestra» был напечатан «некролог» Тургенева, который, несмотря на свой в основном хвалебный характер, намекал на то, что тургеневские «пылкость, блеск и любознательность» «временами» казались «утомительными». Естественно, это не очень понравилось Тургеневу, и он пожаловался Вильяму Рольстону, но Чорли удалось вывернуться: ссылаясь на лживость европейской прессы, распространившей ошибочный слух, он смиренно попросил прощения за то, что слишком легко поверил ему.²⁵

Единственной вещью, от которой не удалось ускользнуть Генри Чорли, была его собственная кончина, которая последовала через несколько недель. Но он совсем неплохо, в меру своих средневикторианских возможностей, сослужил службу Тургеневу, и даже его ложное сообщение о преждевременной смерти писателя вдохновило Мануэля Гарсиа (брата Полины Виардо) на создание превосходного панегирика в честь своего друга. Хотя этот панегирик едва ли имеет отношение к нашей основной теме, все же он является подходящей концовкой для статьи. Переводить его с французского было бы бессмысленно, стоит лишь подчеркнуть, что в нем вспоминается та беззаботная, счастливая жизнь в Куртавнеле четверть века назад, в которой мог принимать участие и Чорли.

Вот они, эти неприятные александрийские стихи Гарсиа:²⁶

Ivan est trépassé, buvons à sa mémoire,
Un plein tonneau vidons, amis chantons sa gloire.
Nul vice ne manquait à ce noble garçon.
Ah! quel succès l'attend auprès du vieux Pluton.
Il aimait à l'excès vins, femmes et musique,
Parfois il pataugeait en fait de politique.
La chasse, son joujou, ne lui tournait pas bien,
Son fusil lui ratait, son chien ne valait rien.
Ratant à tous les jeux, ratait-il autre chose?
Ne fourrons pas le nez dans ce pot à la rose.

²⁵ Orchestra. № 434. P. 251; № 435. P. 267; ПССИП(2). Письма. Т. 11. С. 201; BN. NAF. № 16274. F. 49–50.

²⁶ Публикуется с выражением глубокой благодарности покойным г-ну и г-же Андре Ле Сен.

Buvons donc à la gloire de ce fier compagnon,
Buvons à ses succès même chez le Démon.²⁷

Перевод Е. М. Лобковской.

²⁷ Иван скончался, выпьем за помин его души, / Целую бочку опорожним, друзья, воспоем ему славу. / Не было такого порока, который бы отсутствовал у этого благородного человека. / Ах, какой успех ожидает его у старика Плутона. / Он чрезмерно любил вино, женщин и музыку, / Временами он путался в политике. / Охота, его забава, вышла ему боком: / Ружье его давало осечку, собака оказалась никудышной. / Сделав промашки во всех этих делах, промахнулся ли он в другом? / Не будем совать нос в эту тайну. / Выпьем же во славу отважного товарища, / Выпьем за его успехи даже в преисподней (*франц.*).